

СУВЕРЕНИТЕТ, НАЛОГ И ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА В ВИЗАНТИИ

Византия почти вплоть до последних лет своего существования не была национальным греческим государством. Историческое наименование *basileia ton Romaion* — «царство римлян» — было основой и для политических устремлений Византии, культурного континуитета и для самосознания народа, противопоставлявшего себя «варварам». «Царство римлян» не было отвлеченным официальным термином, оно было связующей силой многоплеменного населения империи, к тому же объединенного никейской верой, воспринятой прямо от римской империи и тоже служившей основой для спайки населения. Это было исторической общностью господствующего класса различных народностей. Не народность, а суверенитет был основой единства Византии.

Естественно, что и в литературных трудах и в актах выдвигалось понятие суверенитета. Гордость быть полноправным свободным гражданином такой великой родины должна была воодушевлять рядового византийца и возбуждать его патриотизм¹.

Но, с другой стороны, Византия была страной, где действовало римское право, основой которого была частная собственность, — в Византии, где во все времена существования относительно было развернуто денежно-товарное обращение². Законы ограждали неприкосновенность частной собственности не только от отдельных лиц, но и от представителей государственной власти. Частная собственность в Византии тоже была суверенной!³ Но в то же время частная собственность, особенно в форме землевладения, была той внутренней силой, которая облегчала и оформляла проведение государством его основной функции — организации господствующим классом эксплуатации труда.

Полноправное положение византийского гражданина выражалось в основном в праве распоряжаться своей частной собственностью. Именно это выделялось в актах при передаче собственности: *teleian despoteian kai anaphaireton kyrioteta eis dienekeis chronois* — полное господство и непререкаемую власть на все последующие времена⁴. В самых поздних актах перечислялись все основные конституции, которые были направлены в защиту частной собственности еще с III—IV вв: *te plane, te bia, te anagke, te dynasteia, te synarpage, kai apate, te perigraphhe, te eggrapha kai agrapha hyposcheseis kai pantoia hetera nomike dikaiologia*⁵.

Суверенитет «римского народа» и суверенитет скрепленной римским правом частной собственности — вот две мощные традиции, которые ока-

зали влияние на оформление феодальных институтов в Византии и которые имманентно сосуществовали с суверенной властью господствующего класса.

* * *

Суверенитет старше государства. Если правильное понимание сущности государства можно отнести только ко времени появления марксизма, то представление о суверенном обществе, самостоятельно управляемым народным собранием и магистратами, существовало уже с незапамятных времен. В племенном обществе в отношениях человека к человеку на почве присвоения материальных благ и общественного производства не могло быть внутренней борьбы. Но неравномерность в возможностях использования природных богатств приводила к постоянной борьбе племен между собой: «В принципе каждое племя считалось состоящим в войне со всяким другим племенем, с которым оно не заключило мирного договора по всей форме»⁶. И поэтому каждое лицо знало, что значит защищать независимость и интересы племени и жить по своим законам и традициям.

Когда же с развитием производительных сил появляются собственность, завоевания и порабощение соседних племен, то зарождается и подлинное государство, которое выступало уже как защитник не только от иноплеменников, но и частных собственников от своих же соплеменников. Выполняя функции управления в интересах господствующего класса, государственная власть тем не менее всегда на первый план выставляла напоказ именно функции охраны суверенитета страны и заботы о народном благе⁷. В этом причина столь длительного непонимания сущности государства. Так, римский император считал себя высшим должностным лицом суверенного государства и действовал от имени всего народа⁸. Категория собственности не рассматривалась как связь государей правительства с подданными⁹. К. Маркс, критикуя философию права Гегеля, писал: «Власть императора была не властью частной собственности, а суверенитетом эмпирической воли как таковой, суверенитетом, который отнюдь не рассматривал частную собственность как связь между собой и своими подданными, а напротив, распоряжался произвольно частной собственностью как и всеми остальными социальными благами»¹⁰ (подчеркнуто мной.— М. С.).

Традиция охраны суверенитета общества была мощной: ведь племя во имя сохранения суверенитета, чтобы жить по своим законам, имело власть над жизнью, поведением и благами каждого члена общества. Эта традиция полностью перешла к государству греческого полиса и древнего Рима, которые могли осуществлять свою власть над людьми и их имуществом, ни в коем случае не мотивируя это верховной собственностью государства. Но частная собственность, в особенности на землю¹¹, могла приобретать самостоятельную власть над людьми, иногда в противоречии с целями господствующего класса в целом. Римское государство в таком случае могло осуществлять право регулировать пользование частной собственностью, применяя особую формулу:

«ne quis te sua male utatur»¹² — «чтобы никто не пользовался преступно своей вещью!». Государство сохранило за собой право конфискации, если собственник оказался опасным для государства, а также право облагать налогами частную собственность как для охраны той же собственности, так и для внешней безопасности. Император Юстиниан в своих новеллах называет налоги «благочестивыми», необходимыми для общего блага, скрывая, однако, какие суммы народных средств идут на роскошь двора и на раздачу сенаторам, знати и церкви...

«Нельзя сохранить все наше общественное устройство *politeuma* без сбора благочестивых налогов». Упоминалось и отражение варваров, и внутренняя безопасность, и культурные мероприятия — все «для наших подвластных»¹³. «Так что то, что берется от них, то и расходуется для них и через них»¹⁴. Ни в позднеримском праве, ни в новеллах императоров X в. нет положения о том, что налоги берутся за то, что государство, как «верховный собственник», предоставляет данному лицу за уплату налогов право пользоваться землей¹⁵.

Везде говорилось о нуждах государства, будь то военные потребности или необходимый блеск для престижа.

Это — официальная теория налогов, с позиции суверенности государства, как бы стоящего над обществом и заботящегося об обществе в целом. Но в Византии существовала и другая теория налогов, распространенная не только среди низов общества, но и деятелей господствующего класса, иногда недовольных направлением налоговой политики: налог — грабёж! Так характеризовали налоговое обложение Иоанн Златоуст в проповедях и Прокопий в «Тайной Истории». Но и эта теория не видела в государстве «верховного собственника», поскольку тогда это был бы не грабёж, а право распоряжаться своей верховной собственностью! Налог, как кумуляция прибавочного продукта индивидуального труда в общественных целях, является необходимостью и неотъемлемым правом руководства во всяком обществе. В классовом же обществе налог — орудие господствующего класса. Но налог не есть категория эксплуатации человека человеком *par excellence*. В самой чистой форме экономическая эксплуатация человека человеком проявлялась в средневековье через собственность на объект приложения труда и в первую очередь в форме земельной ренты.

Понимание сущности налогового обложения земельной собственности в Византии стало в советском византиноведении предметом острого спора, который имеет принципиальное значение для определения феодального характера финансовых институтов империи. Является ли византийское налоговое обложение в строе Византии «централизованной рентой» или же государство собирало налоги в силу суверенитета? Г. А. Острогорский и А. П. Каждан склонны считать, что между земельной рентой и налогами в Византии никакой разницы не было. Ю. М. Сапрыкин прямолинейно рассматривает налог как «разновидность феодальной ренты». Наоборот, Г. Г. Литаврин, В. А. Сметанин, К. В. Хвостова выступают против положений о налоге как ренте, получаемой верховным собственником земли — государством¹⁶. Этот вопрос кажется несущественным. Не все ли равно, как называется тот прибавочный

продукт трудящегося, который передается господствующему классу в государстве? Но нужно иметь в виду изменение статуса налогоплательщика и в то же время феодализацию понимания римского права и его применения в Византии.

Налог денежный, натуральный, повинности в любой формации остаются правом суверенитета над личностью и хозяйством, но принимают особую специфику. При феодальном способе производства, при мелком, но относительно развитом, требующем товарообмена хозяйстве необходима была некоторая кумуляция прибавочного продукта на местах. Это приводило к созданию местных хозяйственных единиц, основанных на внеэкономическом принуждении, к передаче на местах элементов суверенной власти частному землевладению¹⁷.

Основой земельной ренты является факт получения от землевладельца участка земли, за что и требовалось платить отработкой, натуральными или денежными взносами. «В крепостном строе несостоятельный должен отработать те средства к жизни, которые он получил от помещика»¹⁸. Этот экономический путь становления феодальной частновладельческой земельной ренты хорошо был известен в Византии.

Но для того, чтобы экономическим путем приобрести ренту, необходимо было иметь массу обездоленных, но привыкших к земледельческому труду крестьян; чтобы период преобладания в византийском аграрном строе крестьянской свободной общины завершился победой крупного феодального землевладения.

Но каким образом в Византии в X—XI вв. роль налогов стала заметно снижаться, уступая место земельной ренте? В каком отношении к налоговому гнету развился в Византии зависимое, платящее землевладельцу ренту мелкое хозяйство?

Конечно, нельзя преуменьшать роль налогов в процессе феодализации Византии. Содержание аппарата централизованного государства со всей его коррупцией требовало усиления налогового гнета, который не могли выдержать менее состоятельные хозяйства общины.

Неимуший крестьянин или продавал свой участок¹⁹ или, не имея возможности выплатить налоги, бежал из деревни (по прошествии 30 лет этот участок становился «класмой»²⁰ и путем продажи или пожалования переходил динатам); в дальнейшем обезземеленный крестьянин становился присельником, зависимым париком у дината. Именно такой путь происхождения феодальной ренты в Византии X—XI вв. являлся основным, легализованным действующим правом Василик, против которого безуспешно (в конечном счете) выступали в новеллах императоры Македонской династии.

Но проблема отношений налога и земельной ренты в византийских условиях является очень сложной. В пользу отдельных юридических лиц императоры в порядке пожалования снимали налоги и даже запрещали вписывать расчет их в документы землевладельца²¹. Эта льгота (экскуссия) сама по себе ничего общего с земельной рентой не имела, налог оставался налогом: общая сумма пожалованного налога записывалась в кодексах провинциального управления²². Это — рента, но не земельная — частно-правовая, а публично-правовая²³. При острой нужде

правительство могло и отменять льготу частично или полностью²⁴.

В подобных случаях пожалования налог сосуществовал с земельной рентой землевладельца в правительственных расчетах налогообложения. Тем не менее такое сосуществование укрепляло феодальные хозяйства — ведь характерная специфика феодальной эксплуатации и состоит в том, что, наряду с земельной рентой, землевладелец обладал и публично-правовыми привилегиями в своем хозяйстве в отношении зависимого населения. Земельная рента феодала соединялась с правами на пользование и налогами в локальном масштабе, особенно в период феодальной раздробленности.

Император иногда жаловал некоторым юридическим лицам право собирать в их пользу налоги с определенной территории. По терминологии Податного устава это «солемнии». Подобная передача налога никакого отношения к земельной ренте не имела. Это было жалование, которое нужно собирать для себя с населения. В писцовые книги подробно вписывались поименно плательщики. Эта передача сбора налогов в пользу частного лица, на первый взгляд, совершенно не изменяла дело: крестьянин, плативший финансовому чиновнику налог, платит ту же сумму определенному лицу или монастырю. Как будто никакого изменения для крестьянина не произошло, тем более, что никаких вещных прав на имущество налогоплательщика новому пользователю налогом не передавалось²⁵.

Однако сущность эксплуатации не в отношениях человека к вещи, а в отношениях человека к человеку. В статусе налогоплательщика произошел крупный скачок — он вступал в совершенно иные отношения, чем при уплате денежных и натуральных налогов и повинностей государству.

Функция суверенной власти — сбор налога — переходила к частному лицу. Динат тем самым приобретал и дисциплинарную власть в таком важном деле, как отчуждение в свою пользу части имущества, что всегда при сборе налогов вызывало конфликты. Прикрепление в отношении налогов и повинностей к определенному лицу затрудняло мелкому собственнику свободу передачи своего участка постороннему лицу — он фактически делался зависимым. Что же касается получателя налогов, то, кроме пожалованных сумм налога, ему передавалась возможность извлекать квазиземельную ренту с той территории, которая не была его собственностью, но оказалась под его влиянием. Закабаление таких подвластных крестьян и захват территории делалось вопросом времени.

Любая передача налогов фиксировалась перечислением налогов каждого плательщика, причем как правило, налог передавался не полностью — отдельные налоги, как кастроктисиа, партенофториал, аир, по большей части необходимо было выплачивать казне. Так как обязанности подданных состояли из различных повинностей, то и наименования таких повинностей включались в отдельные хрисовулы, которые тем самым отмечали попытки регулировать эксплуатацию крестьян и в то же время определяли минимум обязанностей трудящихся, выполнения которых мог требовать получатель налогов.

В Византии наряду с передачей суммы налога существовало и пожа-

лование фондов государственной земельной собственности²⁶. Любое пожалование земли частному лицу или монастырю сопровождалось подробным перечнем налогов, которыми облагалось трудящееся население, так что пожалование расценивалось не количеством зависимых душ, как в России в XVIII и XIX вв., а общей суммой налогов «посотис», которыми облагалось население. Налог всегда четко отмечался при всех видах пожалования земель — тем самым правительство стремилось показать наличие в Византии суверенной власти централизованного государства и суверенной воли императора.

В Византии примерно с VIII в. развиваются виды условного владения. В римском праве редко отмечался неразвитый вид передачи собственности «под определенное условие», что приводило к *possessio sub modo*. Наиболее характерными условными владениями являлись **харистикии** — с условным содержанием в подобающем виде монастыря и уплаты налогов жаловалась монастырская собственность отдельному лицу²⁸ и **пронии** — с условием военной службы, и жаловались «на попечение» территория и плательщики налогов. Передавая землю и людей в условное владение прониару, государство предоставляло ему и узуфрукт²⁹. Получив пронию, прониар осознавал себя в рядах господствующего военно-землевладельческого сословия. Поэтому у прониара был «анимус» собственника «своего» владения, тогда как римский узуфруктуарий общегражданского права сознавал, что он пользовался «чужой» землей. В пронии узуфрукт фактически превращался из *ius in re aliena* в *ius in re sua*.

Государство передает узуфруктуарию прониару также «узус» власти над населением — бывшими свободными гражданами — часть своего суверенитета, что характерно для феодальных форм собственности.

Естественно, что организация прониальной системы, приводившая к переходу свободных лиц в зависимое состояние, вызывала при Мануиле Комнине протесты, которые столь риторически отобразил Никита Хониата. Получилось, что фактически развившаяся феодальная условная собственность в обстановке Византии, при наличии действующего римского права в редакции Василика, имела тенденцию приобрести форму полной частной наследственной безусловной собственности. Но в отношениях с государством прониар не мог чувствовать себя уверенным — если на Западе вассал и сеньор были связаны обоюдными клятвами, общностью землевладения, то в Византии прониар зависел не от характера его собственности, а от суверенной воли государя. В Византии создалось такое положение, что и прониар и зависимые видели в своих отношениях личную частноправовую ренту. Император же всюду выставял положение о службе за предоставление налога с подвластных, причем самый акт предоставления экскусии считался проявлением воли суверенного государя. Экскусия не превращала, подобно церковному преосуществлению даров, налог в ренту. И налог и рента сосуществовали.

Нельзя отождествлять всю массу прибавочного продукта, получаемого имунистом от крестьян, с феодально-земельной рентой. Часть этого продукта представляла собой налог, который был пожалован за

службу, часть — земельную ренту. В период феодальной раздробленности они не сливались, а внутренне сосуществовали — в Византии в форме налогов, на Западе — в обличье ренты. Позднее налог на Западе и в России отделился от ренты, крупный землевладелец в эпоху централизованной монархии платил государству налог со всех своих подвластных, довольствуясь рентой. В Византии в гражданской войне 1341—1349 гг. попытки Апокавка и Иоанна Калеки в союзе с горожанами добиться фактической централизации не удалось и потому сосуществование ренты и налога сохранилось вплоть до гибели государства.

В Византии, где действующим считалось римское право, основанное на суверенитете частной собственности, понятия *dominium eminens*, *dominium utile* не могли получить распространения и всякое пожалование стремились рассматривать как *dominium plenum*, безразлично частного лица, церкви, фиска или императора, как *plena in re potestas*.

Феодальные институты в Византии проводились не путем включения в действующее право, в сборники законов, а изданием хрисовулов с привилегиями отдельным лицам или церкви. Земельная собственность регулировалась бюрократически: хрисовулом или решением суда. На Западе же пожалования проводились на базе распределения верховной собственности на землю, путем торжественных церемоний, оммажа, инвеституры, что содействовало относительной сплоченности господствующего класса. На Западе феодальная собственность проявлялась в открытом виде, тогда как в Византии маскировалась юридической внешностью частной собственности, так что отдельные собственники не имели земельно-имущественных связей между собой, подобно западным сеньору и вассалу. Хотя в классовом обществе и налоги и земельная рента проводятся в интересах господствующего класса и в период феодальной раздробленности могли как бы сливаться, однако налог и земельная рента в своей сущности — совершенно несравнимые понятия. Рента — категория вотчинного хозяйства, налог — суверенного государства. Всякое стремление к ликвидации феодальной раздробленности и к централизации приводило обязательно к отделению государственного налога от ренты. В этом аспекте совершенно неприменимы в анализе сущности феодальных институтов понятия «централизованная рента» и «налог как разновидность ренты».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лев Дьякон, 1,6: «Мы — римляне, покажем своим мужеством благородство нашего знатного рода».

² Утверждение единой формы полной частной собственности (Код. Юст. VII, 25 и VII, 31, 4) в Византии в послеюстиановский период стало настолько очевидным, что в Василиках положения о собственности уже понимались как само собой разумеющиеся (Zachariä von Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts, Berl. 1893, S. 215).

³ «Римляне-рационалисты суверенной частной собственности». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 345). «Вот каково на деле суверенное великопение частной собственности», землевладения, о котором в новейшее время наговорили так много сентиментальных фраз и по поводу которого было пролито так много всякого рода крокодиловых слез! — К. Маркс и Ф. Энгельс. Там же, стр. 334.

⁴ Actes de Xenophon, ed. L. Petit.

⁵ Там же, стр. 42, 53.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 94.

⁷ Touton gar panton eleuterous tous hemeterous hypoteleis phylattesthai boulometha (Just. nov. XXX, III, pr.).

⁸ ... cum enim lege antiqua, quae regia nuncupabatur, omne jus omnisque potestas populi Romani in imperatoriam translata sunt potestatem (Dig. Deo auctore, 7).

⁹ Включение в римское право *jus naturale*, nullius res говорит за то, что не было понимания верховной собственности государства на все природные богатства. Территория подвластных стран считалась собственностью римского народа *jure belli* и зависела от полноправности собственника.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 348.

¹¹ Землеуладение есть частная собственность в подлинном смысле этого слова (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 333).

¹² Инст. Юст. 1, 8, 2.

¹³ Нов. Юст. 8, 10 и 147, пред.

¹⁴ Нов. Юстина II № 149, 2.

¹⁵ В византизмоведении проводилась дискуссия о наличии в Византии верховной собственности государства над всем земельным фондом страны. В римском государстве квинтская полная собственность (*plena in re potestas*) противопоставлялась неполной собственности провинциалов на землю, которая считалась достоянием римского народа. Но в 212 году (*Constitutio Antoniana*) все свободные подданные империи стали считаться полноправными гражданами, а Юстиниан вовсе отменил все виды собственности, кроме полной частной собственности (ср. К. В. Хвостова. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии XIV—XV вв. М., 1968, стр. 177); Ф. Дельгер (BZ. 45, 1952, 5, 194) на основании новеллы 996 г. императора Василия II считает, что в Византии существовала верховная собственность государства на землю. К этой теории присоединились Г. Острогорский и А. П. Каждан (Деревня и город в Византии в IX—X вв. М., 1960). Однако в той же новелле император самым четким образом отграничивает государственную землю от частной собственности, требуя, чтобы чиновники разыскивали похищенную государственную землю *ekzetein di'holou ta idia*. Jus III, 315. К тому же законодательство Василия (50, 1, 30, 59) по Диг. 49, 14, 3, 10—11 и новелла Льва VI № 51 четко разграничивают частную и казенную собственность. Позднеримское право и Василики — классическое выражение частной собственности.

¹⁶ Ю. М. Сапрыкин. В. И. Ленин и проблемы истории феодального общества. — «Средние века», 1971, № 33, стр. 21; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960 — его полемика, стр. 49—54; В. К. Хвостова. Особенности аграрных отношений, стр. 54—55; В. А. Сметанин. К вопросу о свободном крестьянстве в поздней Византии. — АДСВ, 1965, вып. III, стр. 52—53.

¹⁷ «Система хозяйства порождает здесь «внеэкономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность». — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 72.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 495.

¹⁹ В Византии Земледелческий закон не ограничивал собственности крестьян на их участки, которые продавались, и только волнения в деревнях заставили Льва VI издать новеллу 114 с установлением предпочтения для крестьян местной общины. В то же время эта новелла подтверждала право каждого бедняка продавать свой участок земли. Ряд исследователей считает, что «георгос» по Земледелческому закону не имел права продавать землю (см. А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 44—45), так как в Земледелческом законе нет указаний на сделки купли-продажи земли, а только на обмен. Такие гражданские акты, как завещания (не признали ли поэтому крестьян того времени «мертвороучниками???»), дарственные, брак, купли-продажи, и такие преступления, как убийство, изнасилование, колдовство, мятежи были подвластны государственным инстанциям и не могли быть включены в законодательство автономии деревни. Что же касается *permutatio* — обмена, то таковой не имел значения равного *emptio-venditio*: акт внутреннего обмена не вносил изменений в сумму обложения, тогда как акт продажи мог затронуть интересы иска. Дискуссию о праве крестьянина оставлять свой участок земли см.: Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 48—53.

²⁰ К. А. Осипова. Система класм в Византии X—XII вв. «Византийские очерки», т. 1. М., 1961, стр. 174—185.

²¹ По Податному устау эта льгота называлась «самовозвращенные платежи» (К. В. Хвостова. Особенности правовых отношений..., стр. 57). По переводу Е. Э. Липшиц — «преждеднатые платежи». (Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, Податный устав, стр. 142).

²² Податный устав, § 6 (русский перевод Е. Э. Липшиц).

К. В. Хвостова. Особенности аграрно-правовых отношений..., стр. 67.

²³ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des X und XI Jh. Leipz., 1927, S. 93.

²⁴ Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. ВВ, XIII, 1958, стр. 94; К. В. Хвостова. Особенности аграрно-правовых отношений..., стр. 171, 252.

²⁵ Так, предоставление протосевасту Адриану прав взыскивать налог с владений Лавры не давало никаких прав вещных, но тем не менее вызвало жаркий протест со стороны монахов. Г. Острогорский. Писцовые книги. В, IX, 1948, стр. 233; К. В. Хвостова. Особенности аграрно-правовых отношений, стр. 210.

²⁶ Система класм и конфискация земель политических противников в гражданских смутах создавали и постоянно увеличивали фонд государственной собственности. Государство, передавая условно земли в качестве пронии, имело реальные права собственности, а не фиктивные «верховной собственности», как на Западе. К. В. Хвостова. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии XIV—XV вв. М., 1968, стр. 216.

²⁷ Диг. 35, 1, 17, 3—4 — conditionaliter concepta; sub modo legatum. В Василиках: *epi horo touto, hypo haireten* (44, 19, 13). Cod. Just. VIII, 54/55 de donationibus sub modo полностью включен в Василика 47, 1, 70.

²⁸ H. Glykatsi — Ahrweiler. La concession des droit incorporels. Donations conditionnelles. Actes du XII Congrès International d'Études byzantines. Beograd, 1964, II, p. 107—109.

²⁹ Диг. 7, 1; В Василиках *chresis carpon*.

³⁰ К. В. Хвостова. Особенности аграрно-правовых отношений, стр. 214.

³¹ Попытка отрицать прониальный характер мероприятий Мануила (A. Hohlweg. Zur Frage der Pronoia in Byzanz. BZ, 1967, 288—308) опровергается. Г. А. Острогорским: Die Pronoia unter den Komnenen. «Сборник Радова Византилошского Института». Кн. XII, 1970, стр. 44 и сл.